

WE ALL ARE IN CONTINUOUS CARE: CARE IN CONTEMPORARY DISCOURSE

Abstract. Two modes of existence of care are distinguished on the basis of the principle of ontological-ontological differentiation (M. Heidegger). The care is manifested in the fields of pedagogy, medicine and political power in the ontological projection. The metaphors are proposed for understanding care, its specific features are highlighted.

Key words: care, ontology, medicine, remedy, population, power, pedagogy, parresia.

УДК 141.201

Т.В. Филатов

ВЫЗОВ С «ТОГО СВЕТА»: ОПЫТ ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ И В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье переосмысливаются традиционные представления о загробном мире и о жизни после смерти. Автор выдвигает концепцию, согласно которой не мертвые продолжают свое существование в каком-то ином мире, а живые оказываются в пограничной ситуации отсутствия каких-либо экзистенциальных перспектив. Иными словами, человек еще не умер, но уже не жив. При этом жизнь после смерти характерна не только для человека, но и для народов, культур, государств, видов деятельности.

Ключевые слова: загробная жизнь, точка невозврата, болезнь к смерти, социальный коллапс, необратимость катастрофы.

Представления о загробной жизни являются неотъемлемой частью многих культур, что делает их объектом философского анализа, как правило, религиозного, культурологического или информационно-исторического. В отечественных научных журналах разного профиля до сих пор появляются исследования, например, о концептуализации загробной жизни в античной культуре [1], особенностях иудео-христианских представлений о загробной жизни [2], представлениях о смерти и бессмертии в архаических цивилизациях [3], мире сакрального в культуре Древнего Египта [4] и т. п. Издаются монографии, посвященные представлениям о загробной жизни [5; 6].

Если добавить к этому практически необъятную в масштабах отдельной человеческой жизни литературу оккультно-религиозного характера, а также работы, посвященные философскому анализу смерти и умирания (см., напр., [7; 8]), становится ясным, что выступать с новыми сочинениями на эту тему по меньшей мере рискованно. Тем не менее хотелось бы осветить еще один важный компонент соответствующей тематики, осуществив ее преломление в контексте экзистенциальной онтологии посредством рассмотрения повседневных аспектов реального опыта загробной жизни.

Всякое мифотворчество предполагает некую логическую подмену, тавтологическое мышление по принципу «порочного круга», что высмеивал в своих комедиях еще Ж.-Б. Мольер, один из героев которого вопрошал: «Почему опиум усыпляет?». — «Потому что он обладает усыпляющей силой». — «А почему он обладает усыпляющей силой?». — «Потому что он усыпляет!» [9, с. 219]. Иначе говоря, исток всякой внечувственной реальности всегда пребывает в чувственной реальности, которая затем объясняется при помощи внечувственной реальности, выведенной из нее. В результате рассудок успокаивается, осуществляя иллюзорное решение соответствующей экзистенциальной проблемы, что позволяет отложить ее в сторону и забыть о ней, продолжая, согласно М. Хайдеггеру, несобственное бытие к смерти [10, с. 259].

Соответственно, истоки представлений о загробной жизни следует искать вовсе не в будущем, мысля ее как жизнь после жизни (ср. англ. *afterlife*), и не в прошлом, задействуя идею реинкарнации [11], а в настоящем. Практически каждый из нас сталкивается с опытом смерти людей, структурирующих привычное нам социальное окружение: родителей, друзей, сослуживцев и, наконец, собственных детей. В этот момент мир индивида рушится, и ему представляется, что продолжение собственной жизни в этом разрушенном мире невозможно. В ряде экстремальных случаев так оно и есть, что приводит к завершению индивидуального бытия посредством акта самоубийства. Но, как правило, среднестатистический индивид после серьезной экзистенциальной потери продолжает жить, только уже в некой измененной, деструктивной и деградировавшей реальности, которая и составляет собой для него специфический загробный мир.

В этом суть. Неумершие перемещаются из своего гроба в некую принципиально не доступную живущим реальность, а живые оказываются в новой реальности, в которой больше нет умерших. Это и есть реальный опыт загробной жизни, инициирующий мифологически-иллюзорное снятие проблемы посредством мысленного перемещения мертвых в загробный мир.

В целом смерть родных и близких — только одно из проявлений реального опыта загробной жизни. Например, дискретность наличного социального окружения приводит к тому, что одной из наиболее значимых форм подобного опыта оказывается *старость*. По мере перемещения ровесников

индивида в небытие мир для него меняется необратимо, так что поддерживающая его экзистирование сфера «подручного» [10, с. 66–72] постепенно уменьшается, демонстрируя тенденцию к полному коллапсу. В конечном итоге престарелый индивид оказывается в совершенно чужом и чуждом для него мире, в полном одиночестве, постоянно физически ощущая свою отделенность от прочих людей.

Это, пожалуй, одна из наиболее специфических в философском плане сторон реального опыта загробной жизни. Переживший опыт смерти близких индивид обретает способность *рефлексивного* восприятия реальности, мысленно противопоставляя себя миру в качестве субъекта [12, с. 49] и рассматривая его объективно, в его отделенности от себя, воспринимающего.

Старость экстенционально перекрывается еще с одним из важных проявлений реального опыта загробной жизни, который, следуя за С. Кьеркегором, можно обозначить как «*болезнь к смерти*» [13]. Суть этой формы опыта — в осознании индивидом необратимой утраты некоторых базисных физических и физиологических функций, посредством которых ранее структурировалось его наличное бытие. Например, в результате автокатастрофы индивид теряет ноги и оказывается навеки прикованным к инвалидному креслу. Или, получив ожоги лица в результате пожара, красивая женщина превращается в чудовище. Сам Кьеркегор попал в аналогичную ситуацию, когда, будучи помолвленным с горячо любимой им красавицей Региной Ольсен, внезапно осознал факт своей полной импотенции [14, с. 37–39].

Именно в старости экзистенциальный коллапс необходимо сопровождается коллапсом физиологическим. Однако к этому, как правило, еще добавляется и *социальный коллапс* привычного для индивида «посюстороннего» мира. Вступая в пенсионный возраст, человек, как правило, вынужден отказаться от привычной формы социальной деятельности, что в ряде случаев сопровождается резким понижением его социального статуса, если пенсионер пытается подрабатывать на низкооплачиваемых должностях, либо фактическим выпадением из социальности вообще, когда человек живет исключительно на пенсию, вступая в период существования, который отечественные чиновники цинично определили как «*время дожития*».

До сих пор опыт загробной жизни рассматривался нами исключительно на индивидуальном уровне. Однако гораздо более важным оказывается социальный аспект подобного опыта, когда рушится привычный для определенного поколения [15, с. 251–266] социальный миропорядок. В этом случае в ситуации загробного существования и отделенности от наличного бытия оказываются не отдельные личности, а миллионы людей, в т. ч. целые государства или даже отдельные культуры и регионы планеты.

В двадцатом столетии опыт подобного рода экзистенциальной катастрофы дважды переживало то поколение Германии, которое потерпело поражение в двух мировых войнах. Дважды за двадцатый век подобный опыт

переживался и в России, только двумя разными поколениями: после Октябрьской революции (1917) и распада СССР (1991). В данной связи хотелось бы обратить внимание на принципиальное различие между ситуациями 1918 и 1945 годов для Германии, а также между ситуациями 1917 и 1991 годов для России. Отделенность от наличного бытия, превращающая его в психологически-иллюзорное для индивида, предполагает ощущение *необратимости* катастрофы, осознание экзистенциальной безнадежности сложившейся после катастрофы ситуации. Например, человек преклонного возраста явственно осознает, что уже не имеет шансов коренным образом изменить свою жизнь, восстановить привычный ему мир, взять реванш за прошлые поражения. Он пребывает в некоей потенциальной яме, вырваться из которой ему уже недостает жизненной энергии, вследствие чего означенная яма оказывается разрытой могилой, а наличное бытие — мутным ожиданием того момента, когда эту могилу наконец зароят.

Для народных масс Германии образца 1918 года еще были характерны реваншистские настроения, наблюдавшиеся в 1945 году только у отдельных групп маргиналов. Аналогичным образом «Великий Октябрь» 1917-го воспринимался большей частью тогдашнего населения страны как преобразование России, путь к «светлому будущему», в то время как распад СССР изначально был для большей части советских людей тем, что спустя двадцатилетие В.В. Путин определил как «крупнейшую геополитическую катастрофу XX столетия» [16]. По сути дела, в 1991 году произошло необратимое крушение т. н. «русского мира», веками создававшегося русскими царями, дело которых в режиме диалектического отрицания продолжили российские коммунисты под руководством Ленина, Сталина и других «вождей».

Катастрофа аналогичных масштабов в XX веке — это, пожалуй, только распад европейской колониальной системы, в целом произошедший на полстолетия ранее распада СССР, начавшись практически сразу после окончания Второй мировой войны. Необратимо рухнул специфический «европейский мир», веками выстраивавшийся сначала преимущественно Испанией и Португалией, а затем Великобританией и Францией.

Примечательно, что после соответствующих геополитических катастроф и в Европе, и в России попытки их философского осмысления остаются на периферии философского сознания [17], хотя по логике вещей вопрос о смысле распада соответствующих социальных миров должен был вытеснить на периферию все прочие философские вопросы, разрабатываемые философствующими субъектами соответствующих цивилизаций.

В данной связи хотелось бы вспомнить завершающее положение «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» [18, с. 73]. Обсуждение тех или иных философских проблем инициирует вера в то, что они принципиально разрешимы. Однако к подобного рода проблемам не относятся те, которые связаны с опытом загробной жизни. Здесь философ из врачевателя превращается в пато-

логоанатома, задача которого заключается лишь в том, чтобы определить причины смерти пациента и назвать виновных. Очевидно, что подобного рода философствование является контрпродуктивным и вторичным, поскольку расплывчатый диагноз «смерть от старости» был уже поставлен О. Шпенглером еще при жизни «западного мира» [19].

Тем не менее хотелось бы высказать несколько соображений по этому поводу.

Прежде всего следует констатировать принципиальное различие опытов загробной жизни в современной Европе и в постсоветской России. Френсис Фукуяма довольно точно определил современную историческую ситуацию как «старость человечества» [20]. Единственное принципиальное возражение заключается в том, что речь должна идти только о «старости Запада», после смерти которого история человечества все равно продолжится. Запад медленно, т. е. эволюционно, сдает свои позиции, причем не только политически, территориально и демографически, но в первую очередь психологически и культурно. В результате умирающий европейский социум продуцирует патологическую идеологию «толерантности», психологически оправдывающую естественный процесс угасания воли к жизни у стареющих европейских народов. В то же время философствующие европейские интеллектуалы бесстрастно фиксируют умирание европейской культуры, продуцируя такие категории, как «болезнь к смерти» (Кьеркегор), «бытие к смерти» (Хайдеггер) [10], «воля к смерти» (Сартр) [21], «смерть Бога» (Ницше) [22], «смерть героя» (Олдингтон) [23], «смерть автора» (Р. Барт) [24], «смерть субъекта» (М. Фуко) [25], «конец науки» (Д. Хорган) [26], и многое другое.

Парадокс экзистенциальной ситуации в современной Европе заключается в том, что исторически Европа уже умерла, потому что депопуляция европейских народов сегодня уже необратима, однако немногочисленные представители коренного населения, рождающиеся сегодня в Европе, еще живы и молоды, что создает парадоксальную ситуацию поколения людей, изначально существующих в загробном мире.

Обратимся теперь к постсоветской России. Примечательно, что практически ни один из западных мыслителей, включая Шпенглера, не говорил о скорой смерти российской цивилизации. Более того, в 1945 году Россия (СССР) достигла высшей точки своего исторического развития, прежде всего в политическом и экономическом отношении, превратившись во вторую по значению сверхдержаву послевоенного мира. Распад СССР потому и был катастрофичен, что объективных причин для него не было. Его не прогнозировали не только идеологически зашоренные советские интеллектуалы, но и западные советологи, для подавляющего большинства из которых означенный распад явился полной неожиданностью [27].

Нам представляется, что в 1991 году имел место *цивилизационный суицид*, встречающийся в истории человечества достаточно редко. Большая

часть цивилизаций умирала естественной смертью, погибая в борьбе с другими цивилизациями. Некоторые из них, подобно современной европейской, благополучно дожили до старости, чтобы потом тихо умереть в сравнительно благополучных условиях. Наконец, отдельные цивилизации, подобные современной российской, на вершине своей эволюции вследствие каких-то нелепых и надуманных причин уничтожали самих себя.

В данной связи примечательно, что европейские страны умирают в относительно благополучии, при высоких пенсиях и хорошем уровне медицинского обслуживания. Например, в 2017 году экономики Германии, Великобритании и Франции остаются 4-й, 5-й и 6-й экономиками мира. В то же время экономика России сегодня является 13-й в мире, уступая Италии (8-я экономика мира) и Испании (12-я экономика мира). При этом ВВП России в 15 раз уступает ВВП США и почти в 10 раз ВВП Китая [28]. Иными словам, за последние 26 лет, прошедших с момента распада СССР, Россия окончательно вылетела из рейтинга ведущих экономик мира, пропустив вперед такие страны, как Индия и Бразилия, и успешно конкурируя разве что с Австралией и Мексикой. Еще более печальна картина по ВВП на душу населения, в рейтинге которого Россия занимает в 2017 году 72-е место, уступая таким странам, как Экваториальная Гвинея и Мальдивы.

Почему столь важны эти технические показатели образа жизни. Старость, как правило, не сразу принимает форму полной социальной деструкции, а только через некоторый период времени, переходя в дряхлость. При правильном векторе жизни старость становится своеобразной «золотой осенью», временем сбора плодов, что и имеет место относительно системообразующих стран Европы, таких как Германия, Великобритания и Франция. У них уже нет будущего, зато имеется вполне счастливое настоящее. Напротив, у «суицидника» настоящее ужасно, потому он стремится его любой ценой упразднить, а будущего, по определению, не может быть, потому что он сам от него отказался. Остается только прошлое, активное обсуждение которого началось еще в эпоху существования СССР и продолжается до сих пор, т. е. в течение жизни целого поколения.

Таким образом, следует констатировать, что в 1991 году Россия прошла точку невозврата, то есть исторически Россия так же уже умерла, как и современная европейская цивилизация, однако иррациональный и катастрофический характер происшедшего не позволяет большей части российских интеллектуалов осознать сущность собственного экзистирования как загробной жизни, в рамках которой обесмысливаются, деградируют и умирают любые формы духовности.

Парадоксальным образом в эпоху СССР в условиях жесткого идеологического диктата и цензуры в России наблюдалось активное развитие науки и техники, литературы и искусства. Напротив, в сегодняшних условиях, когда идеологические и цензурные ограничения максимально ослаблены, во всех сферах духовной жизни наблюдается в лучшем случае застой, а то и

откровенная деградация, особенно в таких сферах, как образование, наука, техника, медицина.

Последнее происходит на фоне постоянного укрепления в российском обществе позиций религии, и прежде всего Русской православной церкви. Здесь нельзя не согласиться с мнением В.В. Путина о том, что возникший в России после крушения коммунизма идеологический вакуум мог быть заполнен только религией [29]. Однако в Век Науки религия уже не обладает достаточным мобилизационным потенциалом для ориентации общества на эффективное бытие-в-мире. Вместе с тем она по-прежнему является наиболее действенным из известных человечеству инструментов для эффективной организации бытия-к-смерти, примирения со смертью и принятия загробной жизни посредством отказа от иллюзорных упований на «светлое будущее».

Библиографический список

1. Розин В.М. Две концептуализации загробной жизни в Античной культуре // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 1 (57). С. 60–68.
2. Сомов А.Б. Особенности представлений о загробной жизни в картине мира, отраженной в иудейской литературе периода Второго храма и в Новом завете // Религиоведческие исследования. 2011. № 5-6. С. 83–102.
3. Разинкова О.И. Мифологические представления о смерти и бессмертии в архаических цивилизациях // Позиция. Философские проблемы науки и техники. 2012. № 5(5). С. 27–32.
4. Швейчиков А.Н. Мир сакрального в культуре Древнего Египта // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 2 (70). С. 68–74.
5. Джал Дастур Керседжи Паври. Зороастрийская доктрина загробной жизни. С момента собственной смерти и до моста Чинват: [пер. с англ. М. Авдейчик]. М.: Амрита-Русь, 2004. 140 с.
6. Dunn M. The Christianization of the anglo-saxons // Discourses of life, death and afterlife. York: Continuum, 2009. P. 597–700.
7. Рязанцев С. Танатология (учение о смерти) / Восточно-Европейский институт психоанализа. СПб.: ВЕИП, 1994. 380 с.
8. Янкевич В. Смерть. М.: Издательство литературного института, 1999. 446 с.
9. Мольер Ж.Б. Полное собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. М.: Искусство, 1987. 721 с.
10. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.
11. Розен С. Реинкарнация в мировых религиях. М.: Философская книга, 2002. 149 с.
12. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 41–63.

13. Кьеркегор С. Болезнь к смерти // Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. С. 251–350.
14. Шестов Л. Кьеркегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне). М.: Прогресс-Гнозис, 1992. 304 с.
15. Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея (схема кризисов) // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды: пер. с исп. / сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. М.: Изд-во «Весь Мир», 1997. С. 233–403.
16. Распад СССР: «крупнейшая геополитическая катастрофа XX века» // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/accents/20160819/1474769420.html> (дата обращения: 26.06.2017).
17. Зиновьев А.А. Русская трагедия. М.: ЭКСМО, 2006. 608 с.
18. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
19. Шпенглер О. Закат Западного мира; Очерки морфологии мировой истории. Полное издание в одном томе / пер. с нем. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2014. 1085 с.
20. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М.Б. Левина. М.: ООО «Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 588, [4] с. (Philosophy).
21. Сартр Ж.-П. Стена. Избранные произведения. М.: Издательство политической литературы, 1992. 480 с.
22. Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // Хайдеггер М. Работы разных лет. М.: Гнозис, 1993. С. 168–217.
23. Олдингтон Р. Смерть героя. М.: АСТ, 2016. 480 с.
24. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384–391.
25. Дьяков А.В. Мишель Фуко: о «смерти человека», о свободе и о «конце философии» // Вестник истории и философии КГУ. Серия: Философия, 2008. № 2. С. 45–53.
26. Хорган Д. Конец науки. Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки. М.: Амфора, 2001. 479 с.
27. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / предисл. А. Беляева; пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.; ил.
28. Список стран по ВВП 2017, в \$ млрд. URL: <http://investorschool.ru/gejting-stran-po-vvp-2017> (дата обращения: 26.06.2017).
29. Путин объяснил, как в России после коммунизма возродилось правослаvie // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/religion/20170614/1496439686.html> (дата обращения: 28.06.2017).

CALL FROM «THE OTHER WORLD»:
EXPERIENCE OF AFTERLIFE IN MODERN EUROPE
AND POST-SOVIET RUSSIA

Abstract. In the article the reinterpretation of traditional ideas about the afterlife and life after death. The author puts forward the notion that it is not the dead continue their existence in some other world, and the living are in the border situation, the absence of any existential perspectives. In other words, the person is still not dead, but not alive. The life after death is typical not only for humans but also for the peoples, cultures, States, and activities.

Key words: afterlife, point of no return, sickness unto death, social collapse, irreversible disaster.

УДК 114

Н.А. Балаклеец

ПРОСТРАНСТВО, ТЕЛО И ВЛАСТЬ
В КОНЦЕПЦИИ А. ЛЕФЕВРА

Аннотация. В статье в контексте характерного для современного социально-гуманитарного знания «пространственного поворота» анализируются методологически значимые положения концепции социального пространства, развиваемой Анри Лефевром в работе «Производство пространства». Лефевр, понимая пространство как продукт социального конструирования, выступает критиком субстанциалистских теорий пространства. Эвристический потенциал рассматриваемой концепции заключается в том, что она позволяет объединить теоретические воззрения на пространство и его переживание в повседневной жизни.

Ключевые слова: социальное пространство, пространственный поворот, пространственный детерминизм, субстанциализм, тело, власть, Анри Лефевр, капитализм.

В конце 1980-х годов в критической географии, развиваемой исследователями из США, появился новый термин, которому впоследствии предстояло стать маркером целого направления в современных социально-гуманитарных науках и в социальной географии. Этот термин — spatial turn